

Е.В. Буденная

НИУ «Высшая школа экономики»
Институт языкознания РАН, Москва
jane.sdrv@gmail.com

Л.А. Баркова

НИУ «Высшая школа экономики», Москва
labarkova@hse.ru

А.М. Дугричилов

НИУ «Высшая школа экономики», Москва
akhmed1797@yandex.ru

М.О. Бажуков

НИУ «Высшая школа экономики», Москва
mbazhukov@hse.ru

База данных “Diachronicon” и ее возможности для исследования семантических переходов в русском языке

1. О базе “Diachronicon”

База данных “Diachronicon”, разрабатываемая коллективом ученых НИУ ВШЭ, представляет собой первый электронный ресурс, позволяющий системно исследовать механизмы идиоматизации в диахронической перспективе. Объектом изучения данной базы являются конструкции – идиоматизированные единицы на пересечении лексики и грамматики, состоящие из преимущественно неизменяемой, или якорной части, и слотов, которые могут заполняться различными лексемами [Fillmore et al. 1988; Croft 2001; Рахилина 2010; Эндресен и др., 2020]:

Бог/черт/хрен/... знает + wh-word; NP-GEN (хоть) пруд пруди и др. По своей сути, “Diachronicon” является продолжением ранее разработанного ресурса «Русский конструктор» [Janda et al. 2018; Эндресен и др. 2020], который в базе данных “Diachronicon” расширяется в область исторических изменений. В основе базы “Diachronicon” лежат данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ), который использовался как дополнительный источник в случае недостаточной выборки данных XX-XXI вв., а также сервиса Google Ngram Viewer, к которому обращались в случае недостаточной выборки, с дальнейшей верификацией даты вхождения. По своей сути база данных “Diachronicon” представляет собой самый полный ресурс, с помощью которого оказывается возможным одновременное сравнение отдельных сюжетов и осуществление поиска по заданному списку конструкций и их характеристик в динамике. На данный момент объем базы данных “Diachronicon” составляет около 150 конструкций.

2. База данных “Diachronicon” и нестандартные семантические переходы

С содержательной точки зрения, база данных “Diachronicon” позволяет выявить и объяснить нестандартные семантические переходы. Так, в древнерусском языке конструкция *день ото дня* означала ‘постоянно’ [Аванесов 1988], см. (1-2), а в современном русском имеет семантику постепенного изменения ситуации (3):

(1) блѣговѣстите *днь ѿ дни*. спѣсение е(г)о [Повесть временных лет по Ипатьевскому списку (1110-е)]

(2) <...> Не жди обратитисѧ къ боу и не отълагаи *днѣ отъ днѣ* напрасно бо изидеть <гнѣ>въ гнѣ: [Изборник 1076 г. (перевод Х в. [Болгария])]

(3) Настроение горбуна менялось *день ото дня*. [Гузель Яхина. Дети мои (2018)]

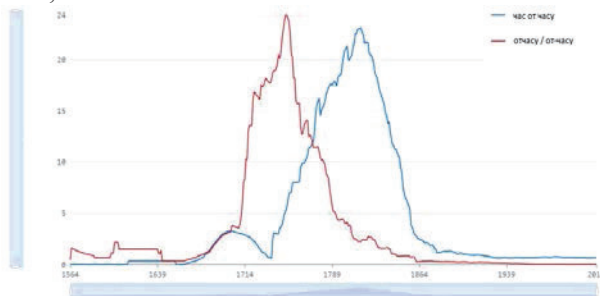
Подобный переход значения – от ‘постоянно’ к ‘постепенно’ – представляется необычным и заслуживает отдельного исследования. Однако по базе “Diachronicon” можно проследить, что в XVI-XVII вв. в языке существовали две конструкции – *от*

часу (и ее орфографическая вариация *отчасу*) со значением постепенности (4) и *день ото дня* с семантикой постоянства, тогда как современная конструкция *час от часу* появляется позже. Так, первое вхождение конструкции *час от часу* в корпусе датируется 1634 г. (4), а вариант *от часу* впервые встречается в панхроническом корпусе на 70 лет раньше, в 1564 г. (5):

(4) А вамъ бы, брату нашему, вашему королевскому величеству <...> братцкая дружба и любовь множилась и **часть отъ часу прибавлялась**. [Царская грамота к датскому королю Христиану IV с извещением о кончине патриарха Филарета Никитича (1634.08.20)]

(5) И тако убо намъ в сицевомъ гонении и утеснении пребывающимъ, и такова злая не токмо от дни до дни, но **от часу** растяху; и еже убо намъ сопротивно, сия умножахуся, а еже убо намъ послушно и покойно, сия умялахуся. [Иван Грозный. Первое послание Ивана Грозного Курбскому (1564)].

В дальнейшем, на протяжении первой половины XVIII в., в текстах НКРЯ конструкция *от часу* существенно преобладает над инновативным вариантом *час от часу*, однако к последней четверти XVIII в. последняя конструкция уже начинает доминировать, тогда как ранняя версия *от часу* постепенно выходит из употребления, см. Рис:

Распределение конструкций *час от часу* и *от часу* в панхроническом корпусе НКРЯ (частота на миллион словоформ, сглаживание 20).

Возникновение у конструкции *день ото дня* значения постепенности соотносится с первыми вхождениями конструкции *час от часу*. Данные конструкции иногда могут сосуществовать в одинаковых контекстах XVIII в. в рамках одной клаузы (6):

(6) Продолжение средней комедии было от Лизандра Лакедемонянина до времен Александра Великого, который, утвердив за собою Греческую державу разбитием тебанцев, был причиною, что и сие своеволие пиитов обуздано, кое *день от дня* и *от часу* более умножалось. [В. К. Тредиаковский. Рассуждение о комедии вообще (1750)]

По-видимому, именно середине XVIII в. конструкция *от часу* начинает взаимодействовать с конструкцией *день ото дня*. Учитывая примеры вида (6), предшествующие закреплению конструкции *час от часу*, с одной стороны, и конструкции *день ото дня*, с уже современным значением постепенного изменения ситуации, можно предполагать взаимную интерференцию обеих конструкций: синтаксис *час от часу* развился по аналогии с *день ото дня*, а семантика конструкции *день ото дня* – наоборот, путем аналогического выравнивания с конструкцией *час от часу*, где соответствующее значение уже развилось на момент XVIII в. Данные процессы привели к развитию двух разных конструкций вида *X от X-a*, на которые распространяется инвариантная семантика постепенности. Развившуюся схему вида *X от X-a* можно считать так называемым аттрактором [Traugott 2008: 237-238; Traugott, Trousdale 2013: 118], по аналогии с которым начинают интерпретироваться отдельные частные конструкции – в частности, *год от года*.

3. “Diachronicon” и новые пути грамматикализации

Также возможности базы “Diachronicon” позволяют определить не описанные ранее пути грамматикализации. Примером такого пути может быть история развития неглагольного предиката *айда*. Изначально слово *айда* использовалось для того, чтобы погонять лошадей (7):

(7) — Живей, — закричал он, — **айда, айда!** — и сам стал подергивать какие-то веревки и ремешки у упряжи. [А. И. Герцен. Бывшее и думы. Часть вторая. Тюрьма и ссылка (1854-1858)]

Затем оно стало использоваться для обращения к людям. В этом случае у него возникала гортативная семантика, а именно говорящий приглашал слушающего пойти куда-либо. Впервые такие контексты фиксируются во второй половине XIX века, один из них приведен в (8).

(8) — **Айда**, говорит, в Касимов, бери плакат и езжай в Ямудию! [М. Е. Салтыков-Щедрин. Помпадуры и помпадурши (1863-1874)]

В (8) *айда* является не частицей, как в (7), а неглагольным предикатом, который управляет предложной группой *в Касимов*. При этом *Айда* получает возможность управлять не только предложными группами (и другими адъюнктами со значением места), но и инфинитивными клаузами (9). Такие контексты впервые фиксируются в НКРЯ в начале второй половины XIX века, тогда же, когда и контексты типа (8). В (9) инфинитив означает цель движения, как и предложная группа в примере (8).

(9) Только скажет: «Ребя, **айда коров мучить!**» — и побежали за город с гиком да лаем <...> [Ф. М. Решетников. Горнозаводские люди (1863)]

Семантика движения часто становится источником для грамматикализации гортатива. Так, в [Heine, Kuteva 2004] показано, что маркеры гортатива часто грамматикализуются из глаголов *приходить*, *идти* и *уходить*. Однако *айда* интересен тем, что после получения гортативного значения он подвергается еще одному семантическому переходу. В [Heine, Kuteva 2004] гортатив рассматривается только как цель, но не как источник грамматикализации. Нам также неизвестны другие работы, где бы описывалась дальнейшая эволюция инхоативных показателей.

В начале 2-й четверти XX в. в корпусе фиксируются контексты, в которых у *айда* возникает значение инхоатива (10). В дальнейшем инхоативное значение у предиката *айда* сохраняется, хотя и встречается реже, чем каузативное.

(10) Все облегченно вздохнули... и **айда работать**. [В. В. Маяковский. Баня (1929-1930)]

Пример (10) содержит важное отличие от примеров (8) и (9): если гортативное *айда* употребляется в репликах - части диалога, то инхоативное *айда* употребляется в предложениях, которые являются частью нарратива. Это наблюдение верно и для остальных контекстов нашей выборки: в диалоге у *айда* гортативное значение, в нарративе – инхоативное.

Подобный семантический переход можно объяснить следующим: гортативная семантика напрямую связана с каузацией совместного действия. О связи каузативной и инхоативной се-

мантики часто писали в рамках каузативно-инхоативной альтернации [Lakoff, 1968; Недялков, 1969; Hale & Keyser 2002; Levin & Rapoport Hovav, 1994; Lundquist, Corley, Tungseth, Sorace & Ramchand, 2016; Tubino-Blanco, 2020]. Данный процесс связан с особенностью глагольных основ выражать как начало какого-либо действия (11), так и каузацию этого действия (12).

(11) Дверь открылась.

(12) Вася открыл дверь.

При каузативно-инхоативной альтернации маркированным может быть как каузативный глагол, так и некаузативный, а также оба варианта или ни один из них [Tubino-Blanco 2020]. В большинстве случаев у глаголов, которые подвергаются каузативно-инхоативной альтернации, в инхоативном варианте имеется неагентивный S-участник. Однако в японском языке существует альтернация между каузативными глаголами и некаузативными глаголами с агентивным A-участником (13-14). При этом морфема, которой при такой альтернации переходные глаголы отличаются от непереходных, не совпадает со стандартным маркером [Horvath, Siloni 2011].

(13) Yosi-wa it-ta

Yoshi-TOP go-PST

‘Йоши ушел.’ [Horvath & Siloni, 2011: 660]

(14) Hanako-wa Yosi-o ik-ase-ta.

Hanako-TOP Yoshi-ACC go-CAUS-PST

‘Ханако заставил Йоши уйти.’ [Horvath, Siloni 2011: 660]

Полисемия конструкции *aida V-Inf* похожа на каузативно-инхоативную альтернацию в японском тем, что инхоативное значение конструкции не ограничено глаголами с пациентивным S-участником.

Тем не менее у конструкции *aida V-Inf* есть несколько ключевых отличий от случаев каузативно-инхоативной альтернации, которые мы рассмотрели выше. Во-первых, полисемия между каузативом и инхоативом свойственна не глагольной основе, а конструкции, вершина которой – неглагольный предикат. Во-вторых, в конструкции *aida V-Inf* могут занимать переходные глаголы (15), а при альтернации глагольных основ инхоативная основа должна быть непереходной.

(15) В одну ночь собрались, покидали на подводу, что в доме было, детей на узлы, лошадь под уздцы, дом подпалили — и **айда счастья искать**. [Светлана Василенко. Дурочка (1998)]

В-третьих, для глаголов выбор между каузативной и инхоативной формой не зависит от иллокутивной цели предложения, а у конструкции *айда V-Inf* каузативная интерпретация возможно только в предложениях, иллокутивная цель которых — предложить сделать что-либо.

Таким образом, база данных “Diachronicon” позволяет видеть, как полисемия, которая раньше описывалась для глагольных основ, может развиваться и у конструкций.

4. Дополнения к семантическим переходам: “Diachronicon” и синтаксические закономерности

Помимо собственно семантических переходов, база данных “Diachronicon” также позволяет выявлять и ряд синтаксических закономерностей. Известно, что русский язык обладает большим набором идиом и лексических единиц, позволяющим выразить семантику незнания чего-либо: идиомы с этим значением имеют тенденцию сближаться друг с другом синтаксически — перенимая у прототипических глаголов знания (*знать*, *понимать* и др.) способы присоединения аргументов и другие характеристики. Мы сосредоточимся на трёх конструкциях: *ни в зуб*, *не в курсе* и *ни сном*, *ни духом*, история которых позволит нам отследить изменения, описанные выше.

Конструкция *ни сном*, *ни духом* изначально употреблялась (и до сих пор встречается) с другими предикатами — в основном *знать* (и его синонимами) и *быть виноватым*. Со временем идиома сама стала предикатом, а уже после этого начала перенимать у *знать* его синтаксические характеристики, такие как присоединение именных аргументов с помощью РР с предлогами *про* и *о* и клауз при помощи различных комплементаризаторов. Первые примеры без комплементов в корпусе появляются в конце XIX-го века (16-17), а с ними — через сто лет (18-19):

(16) Он тут **ни сном, ни духом не виноват**... [И. А. Гончаров. Обрыв (1869)]

(17) Через три дня надо было играть сговор, а она **не знала** о своей участи **ни сном ни духом**. [А. А. Бестужев-Марлинский. Латник (1832)]

(18) То есть иду я себе спокойненько по Губернаторскому, и **ни сном ни духом, какие** тут, в двух шагах, бушуют страсти! [Сергей Шикера. Стень (1998) // «Волга», 2009]

(19) Прокурор **про** беспорядки **ни сном ни духом**, только по поводу Кобякова этого озабочен. [Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013]

История *ни в зуб* и его вариантов *ни в зуб ногой* и *ни в зуб толкнуть* схожа с *ни сном, ни духом*: уже в XIX-ом веке эти идиомы могли принимать аргументы и выступать без дополнительных глаголов. Кроме того, даже несмотря на то, что по корпусу нельзя сделать вывод о том, что идиома ранее использовалась только с другим предикатом (второй пример 1855-го года уже употреблен без него), на это указывает главная версия о происхождении выражения: ‘оборот — усечение более пространныго выражения *ни в зуб толкнуть не смылит*, которое употреблялось еще в прошлом веке’ [Историко-этимологический справочник 1998]. Кроме того, можно ожидать, что выражение смогло бы присоединять также и клаузы в качестве аргументов – несмотря на то, что в корпусе подобных примеров не найти, они есть в Интернете (22).

(20) Я **ни в зуб не знал** ничего. [Г. Ф. Квитка-Основьяненко. Пан Халявский (1839)]

(21) Ведь он только по полям с собаками ездит; ведь он **по хозяйству ни в зуб толкнуть**... [А. В. Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского (1855)]

(22) Ты либо банкир (ну не клерк же такой солидный чел), либо миллионер. Я лично **ни в зуб, как** это дельце аферист Прай обтяпал, ... [URL: <https://akniga.org/gardner-erl-stenli-ubiyca-vyshivayuschiy-krestom>, дата обращения: 20.08.2024.]

Последняя конструкция (*не*) *в курсе* изначально должна была присоединять аргумент в родительном падеже, но в начале XX-го века это перестало быть необходимым и с этого времени выражение либо употребляется как самостоятельный предикат, либо принимает аргументы – так же, как глаголы знания.

(23) Так как телеграмма была получена оть бухгалтера, то можно было предполагать о причастности управляющего

отдѣленіемъ; я былъ, конечно, **въ курсѣ дѣла** и понималъ, что, въ случаѣ смѣщенія управляющаго, могъ быть назначенъ на эту должность, которая оплачивалась хорошимъ содержаніемъ. [В. Г. Старостин. Наше счастье (1870)]

(24) Многие мужики, очевидно знавшие, в чем дело, были спокойны. Горячились только некоторые, **бывшие не в курсе**. [С. Т. Семенов. Односельцы (1917)]

(25) — Мистрис Смит идет по бульвару, в кафэ, — ее джентльмен, с тростью в руках, уже был утром на бирже, он **в курсе, как** пляшут доллары, фунты и франки, он уже потрудился. [Б. А. Пильняк. Третья столица (1922)]

Диахронические изменения в этих идиомах демонстрируют, как адъюнкты предикатов могут становиться самими предикатами при употреблении в схожих контекстах. Кроме того, эти случаи показывают, как конструкции могут изменять свой синтаксис под влиянием более распространенных и прототипических синонимов [Рахилина 2010].

Эти и другие данные, визуализация которых стала возможна благодаря базе данных “Diachronicon”, позволят систематизировать и упорядочить ранее известные точечные семантические переходы, а также проследить их связь с синтаксисом в типологической перспективе.

Список сокращений

ACC – аккумулятив, CAUS – каузатив, PST – прошедшее время, TOP – топикальность.

Литература

Аванесов Р. И. Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 3: добродѣтельно — изжечиса. // Р. И. Аванесов (ред.). М.: Русский язык, 1988.

Историко-этимологический Справочник. / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. Санкт-Петербург: Фолио-пресс, 1998.

Недялков В. П. Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании / Вардуль И.Ф. (ред.). Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.: Наука, 1969, 106-114.

Рахилина Е.В. (ред.) Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010.

- Эндресен А., Жукова В., Мордашова Д., Рахилина Е., Ляшевская О. Русский конструктик: новый лингвистический ресурс, его устройство и специфика. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог-2020». М.: РГГУ, 2020. Т. 19, 226–241.
- Croft W. Radical construction grammar: Syntactic theory in typological perspective. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of let alone // *Language* 1988. Vol. 64(3), 501–538.
- Heine B., Kuteva T. World Lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Lakoff G. Some verbs of change and causation. Harvard: Harvard University, 1968.
- Levin B., Hovav M. R. Unaccusativity: At the syntax-lexical semantics interface. Vol. 26. Cambridge MA: MIT press, 1994.
- Lundquist B. et al. Anticausatives are semantically reflexive in Norwegian, but not in English // *Glossa: a journal of general linguistics*. 2016. Vol. 1 (1).
- Lundquist B., Corley M., Tungseth M., Sorace A., Ramchand G. Anticausatives are semantically reflexive in Norwegian, but not in English // *Glossa: a journal of general linguistics* 1(1): 47.
- Hale K., Keyser S.J. Prolegomenon to a theory of argument structure. Cambridge, MA: MIT press, 2002.
- Horvath J., Siloni T. The Causative-anticausative alternation revisited // *Penn Linguistics Colloquium*, University of Pennsylvania. 2011.
- Traugott E.C. Grammaticalization, constructions and the incremental development of language: Suggestions from the development of degree modifiers in English // *Variation, Selection, Development: Probing the Evolutionary Model of Language Change*. / R. Eckardt, G. Jäger, T. Veenstra (eds.). Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2008, 219–250.
- Traugott E.C., Trousdale G. Constructionalization and constructional change. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Tubino-Blanco M. Causative-inchoative in morphology // *Oxford research encyclopedia of linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2020.